

НИКИТА ОРЕХОВ

ПОД ТЯЖЕСТЬЮ
ЗЕМЛИ

Никита Орехов

Под тяжестью земли

«Автор»

2026

Орехов Н.

Под тяжестью земли / Н. Орехов — «Автор», 2026

Деревня Медяное исчезла в одну февральскую ночь. Люди пропали. Все — без следа. Дома, печи, посуда на столах — всё осталось. Исчезли и люди, и всё живое вокруг: собаки, кошки, птицы, насекомые. Шестеро приезжают в Медяное. Деревня не отпускает их: машина глохнет на выезде, мост впереди закрыт невидимой стеной. Связи нет. Но телефон принимает сообщение: «Не уезжайте.» Земля под ногами пульсирует. Время идёт неправильно. Рассвет не наступает. В пустом доме на подоконнике лежит тетрадь — последние записи женщины, которая видела всё. Кто-то знает, что они здесь. Кто-то ждёт. И уехать уже невозможно.

© Орехов Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Первые знаки	5
Глава 2. Дом где не осталось никого	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Никита Орехов

Под тяжестью земли

Глава 1. Первые знаки

Мини-вэн «Рено Трафик» белого цвета, любезно предоставленный неким спонсором, согласившимся профинансировать экспедицию, шёл по трассе Р119 уже третий час. Маша Зорина сидела на переднем пассажирском сиденье и время от времени поглядывала на экран навигатора, подсказывая водителю дорогу. Вёл машину Костя, единственный из всего состава экспедиции, у кого были права.

Глеб расположился в дальнем конце салона, вытянув ноги и закинув их на рюкзак. Шорты, поло с надписью «BOSS», кепка задом наперёд. Выглядел так, будто ехал не в заброшенную деревню, а на пляж.

Лера тихо сидела у окна, прижимая к груди полевую сумку с образцами почв, которые собиралась описать по дороге. Она здесь была самая младшая, только перешла на второй курс, и единственная, кто воспринимал поездку как учёбу, а не приключение.

Никита сидел посередине, между Лерой и Глебом. Молотил в телефон с остервенением, но не играл, а переписывался. С кем, никто не знал, и он не объяснял. Последние сорок минут он стал ещё тише, и Маша заметила, что он перестал даже изредка смотреть в окно. Раньше считал что-то, губами шевелил, теперь просто уставился в экран.

Артём занял место за Машей и всю дорогу читал статью из «Physical Review D», распечатанную, потому что принципиально не читал с экрана. Статья была о гравитационных волнах. Он дважды пытался рассказать Косте, почему детектор LIGO похож на микрофон, но Костя отвечал «ага» так, что становилось ясно: ему всё равно.

Трасса кончилась. Асфальт сначала стал узким, потом разбитым, потом превратился в подобие дороги: гравий, колея, кюветы по бокам. Костя сбросил скорость до сорока.

— Километра три ещё, — сказала Маша, глядя в навигатор. — Грунтовка начнётся после следующего поворота.

— Отлично, — сказал Глеб, не открывая глаза. — Я как раз всегда хотел узнать, каково это: застрять в грязи посреди нигде.

— Не застрянем, — сказал Костя уверенно. — Я цепи взял. И лопату.

— Лопату, — повторил Глеб. — Ну, это меняет дело.

Лера бросила на Глеба недовольный взгляд, но промолчала.

Знак появился за поворотом, до моста.

Обычный предупреждающий треугольник, «Прочие опасности», с восклицательным знаком. Но поверх него чёрным маркером, крупными неровными буквами было написано:

НЕ ЕХАТЬ ДАЛЬШЕ. ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ.

Маркер расплылся от дождей, буквы слились, но читались. Кто-то хорошо постарался.

Костя притормозил. Маша сфотографировала знак.

— Прикольная шутка, — сказал Глеб, глядя в окно. — Местные юмористы.

— Это не шутка, — сказал Никита.

Все повернулись к нему. Никита смотрел на знак, и впервые за всю дорогу его лицо потеряло каменное выражение. Что-то дрогнуло: не боль, не страх, скорее узнавание. Как человек, который видит дом, в котором вырос, и не может поверить, что это он.

— Откуда ты знаешь? — спросила Маша.

— Потому что я знаю, кто это написал.

И не объяснил. Маша хотела спросить, но поймала взгляд Артёма. Тот едва заметно покачал головой: не сейчас.

Костя поехал дальше.

Мост через ручей оказался бетонной плитой, брошенной поверх трубы. Труба заросла травой. Костя проехал по нему аккуратно, и тут впервые случилось то, чему никто не придавал значения.

Звук двигателя пропал.

Не заглох: Костя потом клялся, что обороты не упали, машина шла ровно. Но на секунду, может, на полторы, стало абсолютно тихо, как будто кто-то выкрутил громкость до нуля, а потом снова вернул.

— Что это было? — спросила Лера.

— Что? — Костя нахмурился.

— Звук. Он пропал на секунду.

— Не пропадал. Я же на газе был.

— Пропадал, — подтвердил Никита, не отрываясь от телефона. — Как будто заглушили.

— Может, ветер, — сказал Артём, оторвавшись от статьи. — Акустическая тень. Бывает, когда поток воздуха меняет направление. Воздушная масса с другой плотностью преломляет звук.

— На скорости сорок километров в час? — Глеб приподнял кепку. — Серьёзно?

— Это не вопрос скорости, — ответил Артём спокойно. — Это вопрос плотности среды. Если есть перепад температуры или давления...

— По-моему, ты не учиываешь один факт, — перебил Глеб. — Мы в Липецкой области, а не в стратосфере.

Артём пожал плечами и вернулся к статье. Маша посмотрела на него, потом на Леру, потом снова на дорогу. Что-то мелькнуло в глазах, не тревога, скорее любопытство. Она вытащила телефон и открыла диктофон.

— Маша, ты что делаешь? — спросил Глеб.

— Записываю. Вдруг ещё раз будет.

— Будет, — сказал Никита и снова уткнулся в телефон.

За мостом грунтовка шла через поле, узкая, заросшая травой по колеям. Деревья по обочинам были другие: ниже, гуще, как будто кто-то прижал их к земле. Лера прижалась лицом к стеклу.

— Странно, — сказала она.

— Что? — Маша обернулась.

— Берёзы. Они все наклонены в одну сторону. В сторону от деревни.

— Так и должно быть, — сказал Глеб. — Ветер.

— Ветер? — Лера повернулась к нему. — Тут безветрие. Посмотри, ни один лист не шевелится.

Глеб глянул в окно и промолчал. Артём отложил статью.

— Наклон растительности может быть следствием систематического воздействия, — сказал он задумчиво. — Например, если есть постоянный источник бокового давления. Но это может быть и грунт: если склон проседает неравномерно, деревья наклоняются.

— Давление чего? — спросил Глеб. — Откуда тут боковое давление?

— Я не знаю, — ответил Артём. — Я говорю, что это не обязательно аномалия. Но это не ветер.

И тут во второй раз пропал звук.

На этот раз дольше. Секунды три. Костя ехал по ровной грунтовке, двигатель работал, колёса хрустели, но полного звука не было. Как будто из акустической картины вырезали кусок. Не тишина, а именно отсутствие, дыра в звуке.

А потом вернулось. Слишком громко, как будто кто-то выкрутил громкость до максимума и тут же поставил на место. Костя дёрнул рулём, выровнял.

— Чёрт, — сказал он.

— Теперь все слышали? — спросил Артём.

— Да, — подтвердил Никита, оторвавшись от телефона.

Маша остановила диктофон. Посмотрела на экран. Запись была. Но не там, где звук пропал: там была пауза. Диктофон записал ровный шум, а потом ровный шум, как будто ничего не произошло. А произошло.

Телефоны начали рябить почти одновременно.

Первой заметила Маша: экран её iPhone пошёл волнами, как будто под стеклом была вода. Потом Артём поднял свой, посмотрел и нахмурился.

— Это не лагает, — сказал он. — Это не софт. Посмотрите: пиксели не зависают, они двигаются.

— Пиксели не двигаются, — сказал Глеб. — Это матрица шалит. У всех одновременно. Совпадение.

— У всех одновременно не совпадение, — возразил Артём. Он взял телефон Маши, посмотрел. Потом свой. Потом Костин, который лежал на торпеде. Все три с одинаковым эффектом: рябь, волны, искажение, как будто по экрану прошла зыбь.

— Это может быть электромагнитное воздействие, — продолжил Артём. — Если есть мощный источник электромагнитного поля, он способен влиять на жидкие кристаллы. Или на AMOLED-матрицу: там органика, она чувствительна к наводкам.

— Источник поля? Тут? — Глеб огляделся. — Коровья ферма?

— Глеб, — сказал Артём. — Иногда лучше молчать.

— А иногда лучше думать головой, — огрызнулся Глеб.

Артём не ответил. Он смотрел в окно.

— Маша, останови на секунду. Костя, тормози.

Костя остановил машину.

Артём открыл дверь, вышел. Встал на грунтовку, поднял телефон над головой, потом опустил. Повернулся на сто восемьдесят градусов. Посмотрел на экран.

— Направленно, — сказал он, вернувшись в салон. — Рябь усиливается, когда экран обращён на северо-восток. И ослабевает на юго-запад. Это не случайность. Источник где-то там. — Он указал рукой сквозь лобовое стекло, в сторону, куда вела дорога. — В сторону деревни.

Стало тихо. Даже Глеб молчал.

— Едем, — сказал Никита.

Дорога спускалась в низину, лёгкий уклон, метров пять перепада. Деревья по бокам стали выше и гуще, но наклон стволов в одну сторону, от деревни, стал заметнее. Телефоны рябили. Звук двигателя теперь как будто дрожал: не пропадал, но вибрировал, пульсировал, как будто между машиной и ушами вставал слой чего-то упругого и невидимого.

Потом лес кончился.

И деревня открылась.

Дома стояли деревянные и кирпичные, с подслеповатыми окнами. Срубы, крыши из шифера и тёса. Огороды, заросшие лопухами. Тропинки, в которые ещё не вросла трава. Штора в окне крайнего дома, которая колыхалась от сквозняка.

И ни одного человека.

Маша вышла первой. Встала на дорогу, огляделась. Тишина стояла такая, что она услышала собственное дыхание. Потом, как будто издалека, сквозь вату, скрип шторы в окне. Потом ничего.

Костя заглушил двигатель. И все услышали то, что было под звуком мотора всю дорогу.

Ничего.

Ни птиц. Ни собак. Ни ветра. Ни насекомых.

Ничего.

Лера вышла из машины, и ноги у неё подкосились. Странное ощущение, что гравитация чуть-чуть изменилась, будто земля стала мягче. Она схватилась за дверцу.

— Ты чего? — Костя подхватил её.

— Не знаю, — она выпрямилась. — Мне показалось, что земля качнулась.

Артём молча достал из кармана монету, пять рублей, и подбросил. Монета взлетела, зависла на мгновение, на одно невозможное, незаметное для глаза, но ощутимое мгновение, и упала. Не в ладонь. Чуть в сторону.

— Вот, — сказал он тихо. — Вот это не ветер.

Деревня выглядела так, будто время в ней остановилось. Дома стояли плотно, но между ними и окраиной тянулось пустое пространство. Там, в отдалении, виднелся старый колодец, покосившийся, без ведра. Он стоял отдельно, будто его специально вынесли подальше от домов.

Глеб стоял у багажника и молча смотрел на деревню. Он был первым, кто увидел дом в конце улицы, единственный, из которого шёл дым. Дом стоял на самой окраине, напротив того самого колодца.

— Кто-то тут есть, — сказал он.

Никита стоял отдельно от всех. Смотрел на второй дом слева: некрашенный сруб, резные наличники, крыльцо, на котором стояли резиновые сапоги. Женские. Тридцать восьмой размер.

Он не двигался.

— Никита? — Маша подошла к нему.

— Это бабушкин дом, — сказал он.

Маша хотела что-то сказать, но он повернулся и пошёл к дому.

Лера сделала шаг за ним, но Артём остановил её.

— Подожди, — сказал он.

— Почему?

— Ему нужно одному.

Лера кивнула и осталась стоять. Артём подошёл к ней, и они молча смотрели, как Никита поднимается на крыльцо, открывает незапертую дверь и входит внутрь.

Дверь за ним закрылась.

Из дома не было слышно ни звука.

Дым шёл из трубы крайнего дома, того, что напротив колодца. Глеб уже шёл к нему.

— Глеб! — окликнул Артём. — Не ходи один.

— А с кем? — Глеб обернулся. — Тут ходить-то умеет кто? Из машины выходите и падаете.

И ушёл. Артём посмотрел на Машу. Маша смотрела на дом Никиты, потом на дом с дымом, потом на телефон. Рябь усилилась. Экран почти не читался.

— Артём, — сказала она. — Что с моим телефоном?

— То же, что и с гравитацией, — ответил Артём. — Что-то воздействует. И чем ближе к деревне, тем сильнее.

— Что воздействует?

— Я не знаю.

Он сказал это спокойно. Но Маша видела: он крепче сжал распечатку статьи, и костяшки пальцев побелели.

Глава 2. Дом где не осталось никого

Никита открыл дверь. Она скрипнула ровно так, как он помнил: протяжно, будто дом узнавал его и не спешил с приветствием. Он шагнул внутрь, и первым его встретил запах: пыль, сухая древесина, старая ткань. Запах, который не меняется годами, даже когда всё вокруг исчезает.

В сенях было темно. Свет пробивался через щель над косяком и рисовал на полу тонкую полоску. Никита не стал включать фонарик. Ему хотелось сначала просто постоять, дать себе привыкнуть к тому, что здесь теперь никого нет. Он знал, что сейчас накатит одиночество, такое, что можно услышать, как бьётся сердце. Но он держался: не опустил головы, не проронил ни слезинки. Это была его территория, пусть и опустевшая.

Он прошёл в комнату, где раньше жила бабушка. Кровать стояла на том же месте. На подушке лежала шаль, та самая, серая, с бахромой, в которой бабушка всегда сидела на крыльце. Никита поднял её, сложил и положил на спинку стула.

На комоде стояла старая шкатулка, треснувшая по углу. Он открыл её. Внутри лежали пуговицы, нитка, сложенная вчетверо, и один пожелтевший билет на автобус: «Липецк — Медяное». Никита улыбнулся краем губ. Бабушка ездила в город раз в месяц, всегда на этом рейсе, и всегда брала с собой маленький пакет печенья, чтобы съесть его на середине пути.

Он сел на стул у окна. Отсюда было видно крыльцо и тропинку к калитке. Отсюда она смотрела, когда он уходил. И сегодня он вернулся тем же путём, только теперь никто не стоял у окна.

Бабушку звали Нина Петровна. Она была из тех людей, которые ничего не боятся, но ко всему относятся с подозрением. «Не к добру», — говорила она, когда петух орал не в своё время, когда облако вставало поперёк заката, когда у соседки корова отелилась двойней. Это была не вера в приметы, а привычка замечать, что мир иногда выбивается из обычного хода. И что это не всегда заканчивается хорошо.

Медяное до последнего было живой деревней. Не процветающей: последние годы шли тяжело, магазин закрыли, школу сократили до начальных классов, автобус стал ходить через день. Но люди жили, сеяли, косили, держали огороды, ходили друг к другу в гости. По пятницам в клубе крутили кино, а иногда кто-то из мужиков приносил баян, и тогда танцевали. Это было место, которое держится.

Летом, когда Никита приезжал на каникулы, деревня наполнялась ещё и детьми. Он бегал с местными ребятами по оврагам, купался в ручье за мостом, лазил по чердакам. Бабушка пекла пироги с капустой и строго говорила: «Не бегай далеко», но никогда не запрещала.

Однажды, во время последнего визита Никиты в деревню — незадолго до того, как все исчезли, — они с бабушкой сидели на крыльце вечером. Солнце уже село, но небо ещё не потемнело: тот странный сумеречный свет, когда всё видно, но будто лишено цвета. И тут со стороны леса, от оврага, пришёл звук. Вернее, не звук, а вибрация — её скорее чувствуешь телом, чем слышишь. Как будто где-то глубоко под землёй что-то сдвинулось. Стакан на перилах дрогнул, едва заметно, но достаточно, чтобы привлечь внимание. Бабушка замолчала, прислушалась. Звук прошёл и больше не повторился.

— Не к добру, — сказала она и больше ничего не добавила.

Никита тогда не придавал этому значения. Подумал, может, подземные воды, может, техника какая-нибудь за лесом. Он никогда не вспоминал этот момент: ни потом, ни когда уехал, ни когда учился. Он вообще не был из тех, кто ищет в прошлом знаки и предзнаменования.

Но сейчас, сидя в пустом доме, он вдруг отчётливо вспомнил этот вечер: стакан на перилах, вибрацию в груди, бабушкино «не к добру». И впервые подумал, что, может быть, она была права.

Никита уехал из Медяного, как уезжают все: не потому что не хотел остаться, а потому что надо было жить. Поступил в Липецкий университет на программиста, снял комнату, втянулся в учёбу. Бабушка звонила раз в неделю, говорила о погоде, о соседях, о том, что медяновский магазин, может, откроют опять. Голос у неё был ровный, без жалоб. Один раз только сказала: «Народу всё меньше, Никит. Уезжают все потихоньку». Он пообещал приехать летом. Не приехал: стажировка в Питере, ITкомпания, летний проект, от которого нельзя отказаться. Он позвонил, предупредил. Бабушка сказала: «Ну и ладно. Дело важнее», и повесила трубку.

Это был последний их разговор.

Время шло. Никита жил и учился в городе, созванивался периодически с бабушкой. Она приезжала к нему раз в месяц, иногда реже. Но в середине февраля ему позвонил кто-то из района. Сказали, что из деревни пропали все. Люди, коровы в хлевах, куры в курятниках, собаки на цепях, кошки, даже мыши в погребах. Все. За одну ночь. Дома стояли, посуда на столах, свет горел в одном доме и погас в другом. Но ни одного живого существа не осталось. Даже мух не было. Даже червей в земле. Как будто кто-то провёл невидимой линией и стёр всё, что дышит, ползает и летает.

Никита приехал через два дня. Полиция уже побывала: осмотрели дома, опросили соседей из ближайших деревень, составили протоколы. Сказали: нет состава преступления, нет тел, нет следов. Люди не могли уйти сами, слишком много, слишком одновременно, слишком бесследно. Но и признаков чего-то криминального не нашли. Дело прикрыли. Бабушка исчезла вместе со всеми. Соседи, знакомые, все, кого он знал с детства. Сапоги на крыльце — вот всё, что осталось.

Он не стал плакать. Не стал искать. Уехал обратно и два года не говорил об этом ни с кем.

Прошло два года. Он учился, жил, не вспоминал. Но однажды наткнулся на статью, заметку в региональном сетевом издании: «В Воловском районе бесследно исчезли жители деревни». Короткая, без подробностей, без продолжения. Прошло достаточно времени, чтобы новость устарела, так и не став новостью.

Никита кинул ссылку в общеуниверситетский чат, тот, где студенты искали напарников для проектов, обменивались грантовыми объявлениями, спорили о преподавателях. Написал коротко: «Кто-нибудь слышал об этом? Есть идея съездить, разобраться».

Он не ожидал, что кто-то отзовётся. Но откликнулись, один за другим.

Первой написала Маша. Никита её немного знал: они пересекались на университетских мероприятиях, один раз вместе тянули общую презентацию по социальным проектам. Она была из тех, кто всегда в движении: диктофон, блокнот, вопросы. Написала: «Еду. Это моя тема».

Артём откликнулся вторым. Никита знал его по общим лекциям. Артём был единственным, кто задавал преподавателям вопросы, на которые те не могли ответить. Он написал: «Интересно с точки зрения физики. Если есть что исследовать, присоединюсь».

Костя ответил коротко, одним сообщением: «Был в похожей ситуации. Поеду». Никита не знал его лично, но слышал от однокурсников: тихий, руки из нужного места, доводит любое дело до конца.

Глеб ответил последним и как бы между прочим: «Я геолог, мне по грунту надо материал. Скооперируемся?» Никита знал о нём две вещи: богатый отец и привычка разговаривать свысока. Больше их ничего не связывало.

Леру Никита позвал сам. Он не был с ней знаком, но видел её сообщения в чате: развернутые, грамотные, с конкретными вопросами про состав почв и микробиоту. Он написал ей в личку: «У нас экспедиция в заброшенную деревню. Почвенные образцы оттуда никто не брал. Если поедешь, данные будут твои». Она ответила через десять минут: «Поеду».

Никита никогда не говорил им, что он из Медяного. Он написал в чат: «Есть деревня, где пропали люди. Хочу съездить, посмотреть». Этого было достаточно. Каждый пришёл со своей причиной.

Только Никита знал, зачем он здесь на самом деле. И он никому об этом не рассказал.

Он сидел у окна и смотрел на свои руки. Воспоминания отступали медленно, как отлив. Комната была пустой и тёплой: солнце нагрело стену с улицы, и старые обои пахли клеем и временем. Он встал, чтобы пройтись по дому. Прошёл на кухню, заглянул в печь, холодную, давно не топленную. Поднялся на чердак, где пылились старые журналы, сломанный стул, детский велосипед, на котором он ездил лет в десять. Всё было на месте. Всё, кроме людей.

Он спустился вниз, прошёл в комнату и тут заметил на полу у печки то, чего раньше не было.

Маленький металлический цилиндр, похожий на батарейку, но крупнее. С одной стороны гладкая поверхность с насечками, с другой тонкая решётка, будто для вентиляции. Металл был тёмным, почти чёрным, но не ржавым, а будто специально затемнённым. И самое странное: на нём не было ни пыли, ни следов времени. Как будто его положили сюда вчера. Или сегодня.

Никита поднял его. Цилиндр был тёплым. Не горячим, а именно тёплым, будто внутри что-то работало. Он повертел его в пальцах, пытаясь понять, что это за устройство. Ничего знакомого: ни маркировки, ни логотипа, ни даже намёка на производителя.

«Это не отсюда, — подумал он. — Это вообще не отсюда».

Он вышел на крыльцо. Маша стояла у машины, держа телефон так, будто надеялась, что рябь на экране вдруг исчезнет и появится сеть. Артём рядом с ней что-то записывал в блокнот, хмурился. Лера стояла чуть в стороне, смотрела в сторону дома, куда ушёл Глеб.

Никита хотел крикнуть, позвать их, рассказать про цилиндр. Но слова застряли в горле. Он спустился с крыльца и подошёл к ним молча.

— Никита, — Маша первой заметила его. — Ты как?

Он кивнул. Не хотел говорить о чувствах. Хотел показать. Он разжал кулак и протянул цилиндр.

— Это лежало у печки, — сказал он. — В бабушкином доме.

Артём взял предмет, повертел в пальцах, нахмурился ещё сильнее.

— Я такого не видел, — сказал он тихо. — Это не бытовая электроника. И не деталь от машины.

— Откуда оно там? — спросила Маша.

— Не знаю, — ответил Никита. — Но я уверен в одном: его там раньше не было. И его не могло там быть.

Артём поднёс цилиндр к уху, прислушался.

— Он вибрирует, — сказал он. — Очень слабо. Почти неслышно.

Он повернул цилиндр решёткой к себе, потом насечками, потом снова решёткой. Вибрация менялась. Едва заметно, но менялась: когда решётка была обращена в сторону деревни, вибрация усиливалась. Когда в сторону леса — ослабевала.

— Как антенна, — сказал Артём.

Маша достала диктофон, поднесла к цилиндру. На экране появилась странная линия: ритмичный, пульсирующий сигнал с одинаковыми интервалами.

— Оно что-то передаёт? — сказала Маша.

— Принимает, — поправил Артём. — Разница принципиальная. Передатчик излучает во все стороны, а этот реагирует на что-то конкретное, с конкретного направления. Вибрация усиливается, когда решётка смотрит в сторону деревни. Значит, источник сигнала там.

— Но ты сказал «принимает», — сказала Маша. — Принимает от чего?

Артём взял телефон Маши и поднёс к цилиндру. Рябь на телефоне усилилась. Он отвёл — ослабла. Поднёс снова — усилилась.

— Видите? — сказал он. — Телефон и цилиндр реагируют на одно и то же. Электромагнитное поле, которое идёт от деревни. Но телефон реагирует пассивно, матрица искажается. А цилиндр...

Он сжал его в ладони и замер.

— Цилиндр реагирует активнее. Когда я взял его в руку, вибрация стала сильнее. Это не просто приём. Это контакт. Тело, тепло, электропроводность — что-то из этого включает его на полную мощность.

— То есть, — Маша медленно опустила диктофон, — пока он лежал на полу, он работал вхолостую?

— Да, — кивнул Артём. — А когда Никита взял его, температурный датчик или ёмкостной сенсор отреагировал на тепло руки. И он включился. Перешёл в активный режим.

— И что это значит? — спросил Никита.

Артём посмотрел на цилиндр, потом на деревню, потом на лес за домами.

— Это значит, что он ждёт, — сказал он. — Кто бы его ни сделал и кто бы ни положил, он был в режиме ожидания. А теперь, когда его подняли, он начал подавать сигнал. Или усилил тот, что уже был. Я не знаю, кто его услышит. Но если в деревне есть что-то, что генерирует такое поле, что сносит матрицы телефонов и гнёт берёзы...

Он замолчал.

— Я бы не стал его больше трогать.

Никита посмотрел на цилиндр в руке Артёма.

— Поздно, — сказал он.

Где-то в стороне дома с дымом хрустнула ветка. Потом ещё одна. И наступила тишина, которая была уже не деревенской, а чужой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.